

Сравнительный анализ южнокорейской и американской практики мягкой силы в мировой политике¹

Белая Е. К.^a, Кашина М. А.^{b,*}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^b Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* e-mail: kashina-ma@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4509-8657>

РЕФЕРАТ

В XXI в. политика мягкой силы доказала свою целесообразность и эффективность и стала одним из важнейших внешнеполитических инструментов как сильных, так и средних и малых держав. Подход, предложенный Джозефом Наем, принято считать классическим примером политики мягкой силы, а США — лидирующим государством в этой области. Однако на фоне усиления на планете процессов глокализации и нарастания антиглобальных и антиамериканских настроений эффективность применения США политики мягкой силы оказывается под вопросом. Напротив, популярность южнокорейской культуры в последние годы во всем мире постоянно растет, что доказывает возможность успешного применения политики мягкой силы незападным (азиатским) государством.

Цель. Цель данной работы провести сопоставление южнокорейского и американского подходов к реализации политики мягкой силы.

Задачи. Задачи включают изучение элементов моделей мягкой силы США и Республики Корея (культура и образ жизни, ценности и идеологи, принципы внешней и внутренней политики) и их сравнение между собой.

Методология. Использованы методы кросс-культурного анализа и вторичного анализа данных, в том числе официальных источников.

Результаты. При реализации политики мягкой силы оба государства используют одинаковые ресурсы (элементы), выделенные Джозефом Наем (культура и образ жизни, идеология и ценности, принципы ведения внутренней и внешней политики).

Выводы. Различие между национальными моделями политики мягкой силы состоит в содержательном наполнении этих элементов. США и Республика Корея транслируют разные ценности, а также по-разному расставляют приоритеты в использовании отдельных элементов. США, делая главный акцент на идеологии, продвигают демократические ценности, в то время как Республика Корея, опираясь на культуру в широком понимании слова, апеллирует к гуманистическим и конфуцианским ценностям (любовь к себе, забота о ближних, поиск гармонии, жизнелюбие). Направления дальнейших исследований связаны с анализом природы и перспектив такого явления международных отношений, как азиатские волны (японская, корейская, китайская и др.).

Ключевые слова: Южная Корея, США, корейская волна, халлю, конфуцианство, культурная дипломатия, массовая культура, социальные сети, фандом

Для цитирования: Белая Е. К., Кашина М. А. Сравнительный анализ южнокорейской и американской практики мягкой силы в мировой политике. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 106-120. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-106-120>

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Comparative Analysis of South Korean and American Soft Power Practices in World Politics¹

Ekaterina K. Belaia^a, Marina A. Kashina^{b,*}

^a St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: kashina-ma@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4509-8657>

ABSTRACT

In the 21st century, soft power has proved its effectiveness and expediency and has become one of the most important foreign policy instruments of strong, medium and small powers. The approach proposed by Joseph Nye is considered to be a classic example of soft power politics with the United States being the leading state in this field. However, considering the intensification of glocalization processes and the growth of anti-global and anti-American sentiments, the effectiveness of the US soft power is being called into question. On the contrary, the popularity of South Korean culture has been constantly growing all over the world in recent years, which proves the possibility of successful application of the soft power policy by a non-Western (Asian) state.

Aim. The aim is to compare the South Korean and American approaches to the implementation of soft power policy.

Tasks. The tasks include studying the elements of the US and South Korean soft power models (culture and way of life, values and ideologies, principles of foreign and domestic policy) and comparing them with each other.

Methods. The methods of cross-cultural analysis and secondary analysis of data, including official sources, were used.

Results. When implementing the soft power policy, both states use the same resources (elements) distinguished by Joseph Nye (culture and lifestyle, ideology and values, principles of domestic and foreign policy).

Conclusion. The difference between national models of soft power lies in the content of these elements. The United States and the Republic of Korea convey different values and prioritize different elements of soft power. The United States, placing the main emphasis on ideology, promotes democratic values, while the Republic of Korea, relying on culture in the broadest sense, appeals to humanistic and Confucian values (love for oneself, caring for others, seeking harmony, cheerfulness). Directions for further research include the analysis of the origins and prospects of such a phenomenon of international relations as Asian waves (Japanese, Korean, Chinese, etc.).

Keywords: South Korea, the USA, Korean wave, Hallyu, Confucianism, cultural diplomacy, popular culture, social networks, fandom

For citing: Belaia E. K., Kashina M. A. Comparative Analysis of South Korean and American Soft Power Practices in World Politics. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022; 16(4): 106-120. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-106-120>

Введение

Десять лет назад отечественные ученые, обсуждая проблему единства и многообразия культур в условиях глобализации, писали: «“Гуманитарная интервенция” должна быть исключена уже из-за самой двусмысленности и чудовищности словосочетания, которое включает как военное нападение с целью исправления стран-изгоев, так и давление, направленное на насильственную рекультуризацию

¹ The research was supported by the Foundation for the Development of Scientific Research and Applied Development of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPA.

народов и людей» [16, с. 51]. Однако, как показала практика, современные государства отнюдь не отказались от идеи культурного вторжения, более того, сейчас оно становится одним из самых эффективных инструментов международной политики.

Феномены власти и силы всегда были в центре внимания в теории международных отношений [4, с. 8]. Известная идея Макса Вебера о том, что власть — это «любая возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана» [12, с. 41], получила новую интерпретацию в работах Джозефа Ная о мягкой силе. Согласно определению американского политолога, сила — это способность влиять на других, с тем чтобы получить желаемый результат [26, с. 2]. В работе *“Bound to Lead: The Changing Nature of American Power”* («Обреченные быть лидером: меняющаяся природа американской власти»), опубликованной в 1990 г., Джозеф Най предложил деление на жесткую и мягкую силу [25], отнес к первой военную мощь и экономическое могущество, а ко второй — ценностное и культурное обаяние. В истории человечества всегда превалировало проявление жесткой силы. Государства прибегали к военным и экономическим средствам давления для достижения своих целей. Однако новые реалии международной политики, в первую очередь появление в 1945 г. атомной бомбы и усиление процесса глобализации, повысили актуальность использования ресурсов мягкой силы (культура, идеология, ценности, институты, внутренняя и внешняя политика)

Работы Джозефа Ная способствовали возрождению дискуссии среди американской политической элиты о средствах достижения внешнеполитических целей [15, с. 304]. В период холодной войны США прибегали к использованию ресурсов мягкой силы для установления идеологического контроля над другими государствами. После распада СССР и краха биполярной системы международных отношений в 1991 г. США активизировали усилия по распространению своего культурного влияния по всему миру. По мнению американского политолога Эдварда Люттвака, глобализация стала использоваться США в качестве инструмента навязывания своей воли другим участникам международного сообщества, в частности в качестве инструмента культурной экспансии США [9, с. 262]. Учитывая лидерство США во всех сферах международных отношений, в том числе глобальную популярность американской культуры и американского образа жизни, американизация стала неотъемлемой частью глобализации. В свою очередь, глобализация и чрезмерная американизация породили противоположные тенденции — глокализацию, антиглобализм и антиамериканизм. Понятие глокализации было введено английским социологом Р. Робертсоном в начале 1990-х гг. Суть этого процесса состоит в том, «что представители локальных культур, втянутые в процесс экономической глобализации и стремящиеся приобрести от нее материальные выгоды, активно отстаивают при этом свою культурную идентичность и не стремятся приобщаться к инокультурным (прежде всего западным) ценностям» [8, с. 100]. Другими словами, в ходе глобализации государства, не принадлежащие к западной культурной традиции, не разделяющие западные ценности, стали четко осознавать свою непохожесть на «западные эталоны» и собственную самобытность, которой можно и нужно гордиться.

Идея того, что «мягкие» способы ведения политики (влияние через привлечение и убеждение) в определенных ситуациях могут оказаться более эффективными по сравнению с «жесткими» методами (давление и принуждение при помощи военных и экономических средств), известна с древнейших времен. Но поскольку, как уже отмечалось, именно Джозеф Най ввел термин «мягкая сила» [26, с. 1], не будет преувеличением сказать, что США стали пионерами в теоретическом осмыслении и практическом применении этой силы. Вслед за Соединенными Штатами концепцию мягкой силы взяли на вооружение практически все остальные страны мира, успешно адаптируя ее к своим национальным особенностям.

Если в начале XXI в. трудно было найти государство, чья стратегия мягкой силы была бы столько же эффективна, как американская, то сейчас ситуация начала меняться. Самый яркий пример — Республика Корея (далее — РК или Южная Корея). Сегодня, во втором десятилетии нового века, благодаря усилиям южнокорейского правительства, корейская¹ культура приобретает огромную популярность во всем мире.

¹ В данной работе под словом «корейский» понимается «южнокорейский», если не сказано иначе.

Необходимо подчеркнуть, что сильные мировые державы, такие как США, Китай, Россия, применяют стратегии мягкой силы как дополнение к инструментам жесткой силы, средние державы, к коим относится Южная Корея, вынуждены в большей мере полагаться на мягкую силу за неимением большого арсенала средств жесткой силы.

Первые идеи о необходимости экспорта корейской культуры для решения задач внешней политики прозвучали в период пребывания у власти президента Пак Чонхи (1963–1979 гг.), который в качестве инструмента повышения международного престижа страны рассматривал не только экономическое развитие, но и популяризацию тхэквондо как символа корейской культуры. В качестве одной из причин успеха будущей корейской мягкой силы можно назвать преемственность власти — последующие лидеры (Чон Духван (1980–1988 гг.), Ро Дэу (1988–1993 гг.)) продолжали начинания своих предшественников с тем, чтобы укрепить статус Южной Кореи как экономически развитого и демократического государства и создать, таким образом, положительный образ страны и улучшить к ней отношение мировой общественности, используя в том числе и ее культурные достижения (проведение в РК Азиатских игр 1986 г. и Олимпийских игр 1988 г.) [7, с. 338].

Официальным началом применения РК мягкой силы принято считать 1994 г., когда президент РК Ким Ёнсам (1993–1998 гг.) поставил перед правительством задачу использовать культуру для продвижения положительного образа Южной Кореи на мировой арене, а также для увеличения темпов экономического роста. Ким Ёнсам был впечатлен тем фактом, что кассовые сборы от фильма Стивена Спилберга «Парк Юрского периода» (1993 г.) равнялись прибыли, которую на тот момент получала компания Hyundai от продажи 1,5 млн единиц автомобилей¹.

Начиная с 1990-х гг. правительство РК начало активно использовать мягкую силу для достижения внешнеполитических целей. Сейчас в 2020-х трудно не согласиться с тем, что страна достигла на этом поприще немалых успехов. Подтверждением тому служит беспрецедентный рост популярности корейской культуры по всему миру, в том числе международный успех корейских музыкальных поп-групп и корейского кинематографа (фильм «Паразиты» режиссера Пон Чжунхо (2019 г.), сериал «Игра в кальмара» Хван Донхёка (2021 г.), фильмы «Пустой дом» (2004 г.), «Ариран» (2011 г.) и «Пьета» (2012 г.) режиссера Ким Кидука). Халлю (корейская волна), под которой понимают растущую популярность всего корейского — от фильмов и музыки до кухни и моды [3, с. 116], — стала одной из самых обсуждаемых тем среди специалистов, занимающихся вопросами мягкой силы.

Успех Южной Кореи в применении политики мягкой силы в международных отношениях актуализирует вопрос о том, было ли это удачным использованием американского (западного) опыта или была разработана собственная южнокорейская (азиатская) модель.

Обзор литературы

В своих работах Джозеф Най, раскрывая сущность понятия мягкой силы, ориентировался на опыт США. По признанию самого автора, описывая ресурсы и инструменты мягкой силы, он исходил из конкретного случая (кейса США), а не разрабатывал универсальный подход, подходящий для каждой страны [26, с. 6]. Тем не менее идеи Джозефа Нае стали классическим пониманием мягкой силы, от которого отталкивается большинство авторов, исследующих данную тему. При этом в процессе выработки национальной модели эксперты стараются привнести в классическую стратегию мягкой силы США то, что отражало бы особенности той или иной страны [11, с. 77].

На тему мягкой силы Южной Кореи написано множество работ. Их авторы изучают особенности, присущие южнокорейской модели, в том числе с целью понять секрет популярности корейской волны (халлю).

Ким Бокрэ, профессор Андонского национального университета, обосновывает успех политики мягкой силы РК следующими национальными особенностями. Во-первых, это высокий уровень экономического

¹ [언론분석] 한국의 소프트파워를 보도한 《르몽드》 ([Анализ СМИ] “Le Monde”, отчет о мягкой силе Кореи) [Электронный ресурс] // KOFICE: Korea Foundation for International Culture Exchange website. URL: http://kofice.or.kr/c30correspondent/c30_correspondent_02_view.asp?seq=18292 (дата обращения: 25.09.2022).

развития и индустриализации страны, благодаря которым 1) создается позитивный имидж Южной Кореи как развитой страны и 2) РК производит высококачественный культурный контент (яркие, красочные, высокого разрешения фильмы и клипы). Во-вторых, успех халлю объясняется общим уровнем привлекательности корейской культуры и образа жизни — автор пишет про особую модель корейского общества, в котором искусно сочетаются традиции (почтительность к старшим, забота о коллективе) и современность (развитая экономика, демократия, активное гражданское общество) [22].

Чо Бёнчоль и Сим Хичоль, профессора института СМИ и искусств Донг-а, в качестве основных факторов успеха мягкой силы РК называют 1) обилие и разнообразие культурного контента и 2) активное использование социальных сетей в продвижении культурных продуктов [19]. Авторы особенно отмечают высокий уровень корейских цифровых технологий, которые позволяют потребителю погрузиться в выступление, клип или фильм и испытать реалистичные эмоции.

Обобщая работы южнокорейских специалистов, можно сделать вывод, что успех корейской политики мягкой силы, который выражается в глобальной популярности корейской культуры, по их мнению, основан на трех китах: государственная политика, уникальность корейской культуры и цифровые технологии.

Грамотная государственная стратегия позволяет представить корейскую культуру как неповторимое сочетание современных западных и традиционных корейских ценностей, в которых любой человек сможет найти что-то для себя. Цифровые технологии, в развитии которых РК занимает лидирующие позиции, становятся каналами продвижения культурного продукта [24; 27].

В настоящее время корейскую политику мягкой силы можно назвать более успешной, чем американскую, доказательством чего являются усиливающиеся в мире антиамериканские настроения. Любовь к американской культуре совсем не означает любви к США как государству и принятия их ценностей, особенно политических [14, с. 20]. А ведь именно формирование позитивного отношения других стран и народов к государству, его ценностям и политике — основная цель использования мягкой силы как внешнеполитического инструмента.

Противоположная ситуация наблюдается с популярностью корейской культуры. Халлю продолжает набирать обороты, привлекая все новых фанатов. Согласно отчету «Глобальный статус халлю — 2021», опубликованному Корейским фондом, по состоянию на декабрь 2021 г. число поклонников халлю во всем мире составило 156,6 млн чел., что на 29% больше, чем в 2020 г., и в 17 раз больше по сравнению с 2012 г., когда была опубликована первая версия подобного отчета¹. Высокая положительная тенденция увеличения количества фанатов корейской волны наблюдается во всех регионах — в 13 раз в Европе, в 15 раз в Азии и Океании, в 22 раза в Америке, в 130 раз в Африке и на Ближнем Востоке. При этом 58,8% опрошенных из 116 стран ответили, что после знакомства с халлю их восприятие о Южной Корее изменилось в положительную сторону.

Данные опросов показывают, что фанаты халлю интересуются не только современной K-POP культурой, но и историей и традициями страны. Согласно данным Министерства культуры, спорта и туризма РК от ноября 2021 г., в 43 странах мира поклонники халлю заявили, что наслаждаются традиционной корейской культурой².

Представленный выше краткий обзор литературы показывает, что имеется много работ, посвященных феномену корейской мягкой силы и успеху халлю, большинство из которых анализируют особенности южнокорейской версии мягкой силы. Однако практически нет работ, в которых проводился бы сравнительный анализ моделей мягкой силы, используемых США и Южной Кореей. Заполнить этот теоретический пробел и призвана данная статья.

Исследовательский вопрос состоит в следующем: каковы отличия в наполнении элементов двух национальных моделей мягкой силы (южнокорейской и американской) и методах их продвижения?

¹ 2021 지구촌 한류현황 (2021 Глобальный статус Халлю) [Электронный ресурс] // MOFA: Republic of Korea Ministry of Foreign Affairs website. URL: https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4099/view.do?seq=367660&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm= (дата обращения: 25.09.2022).

² 전 세계 43개국 한류팬 한국 전통문화에 빠지다 (Поклонники Халлю из 43 стран мира наслаждаются традиционной корейской культурой) [Электронный ресурс] // MCST: Republic of Korea Ministry of Culture, Sports and Tourism website. URL: https://www.mcst.go.kr/kor/s_notice/press/pressView.jsp?pSeq=19173 (дата обращения: 25.09.2022).

Методология

В качестве теоретической рамки выбрана концепция глокализации Роланда Робертсона, в частности, тезис о том, что «Для культурной глобализации как глокализации характерно сближение деловой и потребительской культуры между разными странами мира и рост международного общения. С одной стороны, это приводит к популяризации отдельных видов национальной культуры по всему миру. С другой — популярные международные культурные явления могут вытеснять национальные или превращать их в интернациональные, зачастую даже приобретая их культурную окраску» [10, с. 177]. Феномен мягкой силы РК с позиций этой концепции предстает как диффузное проникновение восточной (азиатской), основанной на конфуцианской этике, культуры в западный (христианский) мир, при этом национальное содержание (традиции и ценности) упаковывается в универсальные формы потребления (телесериалы, клипы, еда, одежда, косметика и т. д.).

Цель статьи — провести сопоставление южнокорейского и американского подходов к реализации политики мягкой силы: как содержательного наполнения элементов самой модели (используемых ресурсов), так и технологий ее реализации.

Объектом исследования выступает мягкая сила, а именно ресурсы и технологии реализации мягкой силы США и РК.

Предмет исследования — южнокорейский и американский подходы к реализации политики мягкой силы.

Основная гипотеза заключается в том, что в южнокорейском подходе к реализации политики мягкой силы используются принципиально иные, отличные от американских, ценности и технологии их продвижения.

Методы, использованные при написании работы, включают кросс-культурный анализ, вторичный анализ данных по теме исследования, в том числе официальных источников.

Результаты

Начнем с определения основных элементов (ресурсов), применяемых в классической (американской) модели мягкой силы. Джозеф Най выделяет три основных компонента, делающих государство «обаятельным и привлекательным» в глазах других стран и народов, — культура, ценности, политика (внутренняя и внешняя) [14, с. 20].

Соответственно, первый ресурс мягкой силы США — это привлекательность американской культуры и американского образа жизни [11, с. 70]. Многие исследователи склонны полагать, что из числа ресурсов мягкой силы наибольшим влиянием обладает культура (под которой чаще всего понимается ее материальное проявление — музыка, фильмы, еда, мода....) [14, с. 20]. Люди по всему миру восхищаются достижениями США в области науки и технологий (компьютеры, смартфоны, интернет вещей) и массовой культуры (американская музыка и киноиндустрия).

Второй ресурс США — идеология с ее акцентом на ценности демократии. Еще в первой четверти XX в. президент США Вудро Вильсон заявил, что у США есть особая историческая миссия — сделать всех людей свободными, отводя тем самым Америке роль всемирного проводника демократических ценностей [5, с. 39]. С тех пор в сознании американцев, особенно элиты, твердо сформировалось убеждение об исключительности и превосходстве своей богоизбранной страны [2, с. 6].

Третий ресурс — политика. Внешнеполитический курс США направлен на создание либерального международного порядка, основанного на демократических ценностях, внутривнутриполитический — на создание образа страны равных возможностей для всех. Многие американцы, а также иностранцы, стремящиеся переехать в США, вдохновляются «американской мечтой», согласно которой «если вы упорно трудитесь и не сдаётесь, вы обязательно добьётесь успеха, кем бы вы ни были» [28, с. 32]. Зарождение «американской мечты» относят к периоду «золотой лихорадки» начала и середины XIX в., когда некоторым счастливицам удавалось разбогатеть за одну ночь. Второй этап «американской мечты» связывают

с периодом индустриализации после гражданской войны (1861–1865 гг.). Символами этой эпохи стали Томас Эдисон, Генри Форд, Джон Рокфеллер, которые хоть и родились в обычных условиях, смогли добиться успеха благодаря собственным усилиям. В XXI в. живым доказательством того, что в США возможно все, стали Стив Джобс, Билл Гейтс, Марк Цукерберг.

Однако феномен снижения эффективности американской мягкой силы в начале XXI в., проявляющийся в усилении антиамериканизма в мире в условиях сохранения высокой популярности американской массовой культуры, свидетельствует о том, что культура не является определяющим компонентом стратегии мягкой силы. Представляется, что гораздо большую значимость в этом процессе играют идеологические и ценностные установки. В XXI в., когда основным конфликтогенным фактором становится принадлежность к разным цивилизациям [17], насаждение определенных стандартов, правил и норм поведения и придание им статуса универсальных оборачивается против США.

Теперь рассмотрим, какое наполнение эти ресурсы мягкой силы получают в РК.

Первый компонент — привлекательность корейской культуры и корейского образа жизни — составляет основу корейской мягкой силы. Основная роль здесь принадлежит халлю в целом, основными элементами которой выступают музыкальная индустрия (K-POP) и киноиндустрия (дорамы и фильмы), которые, в свою очередь, отвечают за продвижение других компонентов корейской культуры, в том числе бренды, демонстрирующие экономические успехи страны (автомобили и техника), бьюти-индустрия (косметика и пластическая хирургия), мода, еда и туристические достопримечательности.

К концу XX в. многие страны, включая РК, пришли к осознанию, что их культура ничуть не уступает западным канонам и, имея свою ценность, может также экспортироваться за пределы национальных границ [22, с. 155]. Самобытная культура способна выступить центральным элементом политики мягкой силы любого государства. Такую точку зрения отстаивает профессор департамента коммуникаций факультета социальных наук Сеульского Национального Университета Хон Соккён, которая, отвечая в интервью южнокорейскому каналу SBS News на вопрос о причинах популярности халлю, заявила, что основная причина кроется в привлекательности корейской культуры самой по себе¹. По словам профессора, в зарубежных СМИ и научных кругах появилось много статей, в которых политика корейского правительства ошибочно рассматривается как ключевой фактор успеха халлю. Профессор убеждена, что культура — это не та сфера, где можно добиться результата при помощи материальных вложений, а точка зрения, что успех халлю объясняется в первую очередь усилиями правительства, принижает культуру страны.

Второй компонент — ценности. Наиболее полно тема ценностей, транслируемых через ресурсы и инструменты мягкой силы Южной Кореи, рассмотрена в статье профессоров университета Конкук Ким Кидука и Пэ Санджуна «Халлю и традиционные культурные гены Кореи». Авторы приходят к выводу, что основные культурные коды, на которых строится халлю, можно резюмировать следующим образом: 1) сообщество (чувство единства) и вежливость (community and courtesy); 2) динамичность (активность) и азарт (dynamics and excitement); 3) интуиция и гармония (intuition and harmony) [23].

Ценности, транслируемые в корейской политике мягкой силы, можно проследить на примере текстов песен группы BTS, которой удалось добиться беспрецедентной популярности по всему миру. Облако слов текстов песен BTS² представлено на рисунке. Чем больше размер шрифта, тем чаще используется это слово.

¹ 오징어 게임, 기생충, BTS...한류 성공은 정부 덕이다? (Игра в кальмара, Паразиты, BTS... Является ли успех корейской волны заслугой правительства?) [Электронный ресурс] // SBS News. URL: https://news.sbs.co.kr/news/endPage.do?news_id=N1006526872 (дата обращения: 25.09.2022).

² Инфографика выполнена нашей коллегой по проекту Д. В. Жарковой, студенткой бакалавриата по направлению подготовки «Бизнес-информатика» СЗИУ РАНХиГС. При создании облака слов ею были обработаны 300 песен BTS, переведенных на английский язык и размещенных на сайте Kaggle (<https://www.kaggle.com/datasets/kailic/bts-lyrics>). Текстовый файл включает в себя также пунктуацию, поэтому количество всех слов с символами при начальной обработке составило 156 295. После чего была удалена пунктуация, все слова приведены к нижнему регистру, а также удалены стоп-слова, которые не несут смысловой нагрузки. В результате количество слов после предобработки составило 56 227. Для создания облака слов использовалась библиотека Wordcloud Python, максимальное количество слов, представленных в облаке, равно 200. Слово like (нравится) встречается 1 178 раз, слово love (любить) 814 раз, слово know (знать) 735 раз, слово let (давай) 634 раза и слово go (идти) 588 раз. В итоге основной посыл песен группы выглядит очень позитивно — «(мне) нравится любить, зная, давай идти».

преследуемые РК, во многом совпадают с задачами КНР. Для Южной Кореи важнейшим мотивом является желание создать новый позитивный образ страны — получить международное признание, занять достойное место среди развитых государств и играть более весомую роль на международной арене. Причиной тому служит история Кореи, которая очень долго боролась за свою независимость. Сначала она подчинялась Китаю (конец XIV — конец XIX вв.), а затем стала колонией Японии (1910–1945 гг.) [20, с. 83]. Желание возвысить свою страну подпитывается чувствами патриотизма и национального достоинства, свойственных конфуцианской этике. При этом крайне важно, что другие государства не рассматривают РК как опасного противника с гегемонистскими устремлениями, чего нельзя сказать о Китае или России.

В таблице представлен сводный сравнительный анализ ресурсов мягкой силы РК и США.

Таблица

Сравнительный анализ элементов южнокорейской и американской моделей мягкой силы

Table. Comparative analysis of elements of the South Korean and American models of Soft Power

Ресурсы мягкой силы	США	РК
Культура и образ жизни	Постиндустриальное общество с развитыми экономическими и демократическими институтами, граждане которого живут в материальном достатке и могут легко себя реализовать в любой сфере жизни	Общество, в котором искусно сочетаются традиции (почтительность к старшим, забота о коллективе) и современность (развитая экономика, демократия, активное гражданское общество)
Значимые ценности	Демократические ценности, права человека, индивидуализм, проактивность, личная успешность	Традиционные конфуцианские ценности (почтительное отношение к старшим, забота о коллективе); гармония с миром; любовь к себе и принятие себя; жизнерадостность и оптимизм
Внешняя политика	Либеральный мировой порядок, возглавляемый США, страной с исторической миссией	Образ ответственного члена международного сообщества через внесение вклада в развитие человечества и решение глобальных проблем
Внутренняя политика	Идея «американской мечты» — государство неограниченных возможностей, в котором можно добиться личного успеха при определенных стараниях	Экономически развитое демократическое государство, граждане которого живут счастливо, в коллективе, в достатке и гармонии

Источник: таблица составлена авторами на основе анализа вторичных источников.

Анализ данных таблицы позволяет выделить два главных отличия южнокорейской модели мягкой силы от американской. Во-первых, различаются сами ценности, на базе которых формируется транслируемый посыл. Если американская мягкая сила строится вокруг понятия демократии и индивидуального успеха, то корейский подход можно описать словами «гуманизм» и «общность» (коллективность). Ценности, составляющие основу южнокорейской модели, отличаются универсальностью, в то время как США продвигают «общепринятые» либеральные ценности, хотя современный мировой порядок отличается крайним плюрализмом взглядов.

Второе отличие заключается в том, на каком из трех ресурсов (культура, ценности, политика) государство делает особый акцент. Джозеф Най заявляет, что никогда не настаивал на демократических ценностях как неотъемлемом компоненте мягкой силы, универсальном для каждой страны [26, с. 6]. Однако американские политологи и практики осуществления мягкой силы делают акцент на форме политического устройства страны, работая прежде всего с идеологической составляющей. Продвигая себя как эталонную демократию, защищающую в первую очередь права человека, США противоречат сами себе, поскольку проводят политику двойных стандартов. Обвиняя одни страны в нарушении прав человека (например, КНР, КНДР или Россию), США при сотрудничестве с другими странами (например, Саудовская Аравия) закрывают глаза на случаи, которые с точки зрения пропагандируемых ими принципов должны рассматриваться как нарушение прав человека. Кроме того, США сами не могут похвастаться абсолютным соблюдением прав человека. Неудивительно, что позиционирование себя исключительной страной с особой миссией (приобщить весь мир к демократическим ценностям) вызывает недовольство и раздражение во многих странах. Профессор международных отношений Гарвардского университета

Стефан Уолт уверен, что внешняя политика США была бы более эффективной, если бы страна не столь яро заявляла о своей исключительности¹.

В свою очередь, Южная Корея больше опирается на культуру в широком понимании этого слова. Несмотря на то, что, на наш взгляд, именно идеологическая составляющая является преимуществом южнокорейского подхода в сравнении с американским, факт того, что РК не прибегает к открытой пропаганде своих ценностей, а аккуратно пронизывает ими создаваемый культурный контент, также является преимуществом. Апеллируя к духовной культуре, а не политическим ценностям, которые не находят отклика во многих странах, отличающихся от США политическим устройством, Южная Корея обеспечивает широкую поддержку своим проявлениям мягкой силы.

Если говорить о специфических технологиях реализации южнокорейской модели мягкой силы, то стоит выделить два момента: 1) активное использование социальных сетей и 2) создание в интернете тесных сообществ поклонников корейской культуры (фандомов).

Социальные сети. Как уже отмечалось, в качестве ключевого фактора успеха халлю, транслирующей ценности корейской культуры по всему миру, выделяют эффективное (профессиональное) использование цифровых технологий, в том числе социальных сетей. Успехи Южной Кореи в цифровизации общества и экономики дали ей определенное преимущество в этой сфере в сравнении с США. На 2022 г. уровень проникновения социальных сетей в РК составляет 91% (третий показатель в мире после ОАЭ и Малайзии)². Социальные сети, предоставляя пользователям возможность общаться в любое время и из любой точки мира в режиме реального времени, сближают на фоне общих интересов огромные массы людей и приводят (в случае с халлю) к формированию так называемых фандомов или фанат-сообществ.

Фандомы. Необходимо подчеркнуть, что агентами мягкой силы выступают не только государственные институты, но и негосударственные организации, а также обычные граждане. Специалисты отмечают, что фандомы играют важную роль в процессе самоидентификации и социализации человека [6, с. 140]. Особенно сильное влияние, прежде всего с культурной точки зрения, фандомы приобретают в том случае, когда человек испытывает трудности с определением себя в обычной жизни вне фандома. Не менее важно и то, что, объединяясь в фандомы, фанаты получают возможность играть важную роль в жизни любимой группы, оказывая на участников и их творчество непосредственное влияние [Там же, с. 141].

Проиллюстрируем применение данных технологий использования мягкой силы на примере южнокорейской музыкальной группы BTS, которая сегодня приобрела глобальную популярность. Анализ феномена BTS особенно важен, учитывая, что фандом этой группы (ARMY) насчитывает порядка 90 млн чел. по всему миру, большую часть которых составляют подростки и молодежь. Не исключено, что кто-то из этих фанатов, став взрослыми, будут теми, кто принимает важные решения, в том числе экономические и политические.

Идея о том, чтобы сделать ставку на продвижение группы при помощи социальных сетей, появилась у ее продюсера Бан Шихёка в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, на момент дебюта группы (2013 г.) южнокорейский рынок индустрии развлечений уже был переполнен множеством групп со схожим концептом. По сравнению с группами, принадлежащими крупным агентствам, у BTS было гораздо меньше возможностей использовать традиционные средства продвижения на музыкальном рынке, такие как теле- и радиовещание [24, с. 79]. Во-вторых, Бан Шихёк решил ориентироваться на новые поколения — поколения Y (или миллениалов) и Z, которые ценят горизонтальные отношения, при которых обе стороны в процессе свободного обмена мнениями формируют отношения равенства и солидарности [21, с. 94, 97]. Для подобного стиля взаимодействия между группой и фанатами идеально подходили социальные сети.

Социальные сети привели к формированию сплоченного фандома BTS — ARMY. Важно, что фанаты выступают в роли активного субъекта продвижения группы и повышения ее популярности в интернете,

¹ Walt Stephen M. The Myth of American Exceptionalism [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/the-myth-of-american-exceptionalism/> (дата обращения: 09.09.2022).

² Active Social Network Penetration in Selected Countries and Territories as of January 2022 [Электронный ресурс] // Statista.com. URL: <https://www.statista.com/statistics/282846/regular-social-networking-usage-penetration-worldwide-by-country/> (дата обращения: 09.05.2022).

а значит, и в мире. Фанаты в инициативном порядке создают огромное количество контента, связанного с BTS, включая: 1) переводческий контент (перевод текстов песен, видео, влогов, постов); 2) контент-реакции (контент, содержащий реакцию фанатов на выход клипа или выступления); 3) реконструированный контент (кавер-дэнсы или каверы на песни). Кроме того, фандом BTS известен своей активностью в сфере организации различных мероприятий в честь BTS (годовщины создания группы, получение наград, дни рождения участников). Немаловажно и то, что ARMY активно участвуют в благотворительности, повышая тем самым позитивный имидж своей любимой группы. Поэтому многие эксперты отмечают, что успех BTS был невозможен без их фандома (ARMY).

Заключение

Основная гипотеза нашего исследования, состоящая в том, что в южнокорейском подходе к реализации политики мягкой силы используются принципиально иные, отличные от американских, ценности и технологии их продвижения, была подтверждена.

Проведенный анализ показал, что основное отличие южнокорейской модели мягкой силы от американской кроется в ее идеологической составляющей — транслируемых ценностях. Американская мягкая сила строится вокруг понятия демократии, в то время как южнокорейский подход с его акцентом на уважительное отношение к человеку и взаимопомощь можно описать как гуманизм. Немаловажную роль в корейской политике мягкой силы играют и инструменты продвижения корейской культуры — использование социальных сетей и создание фандомов.

Музыкальная группа BTS, которой удалось добиться глобальной популярности благодаря умелому использованию вышерассмотренных элементов мягкой силы, является символом халлю. Правительство РК стало использовать группу в качестве еще одного инструмента дальнейшей популяризации корейской культуры. Примерами тому служат: 1) сотрудничество BTS и их агентства Big Hit Entertainment с ЮНИСЕФ в 2017 г. в рамках компании LOVE MYSELF и #ENDviolence с целью борьбы с насилием и обеспечением безопасной и здоровой жизни детей и молодежи¹; 2) назначение в 2021 г. бывшим президентом РК Мун Чжэином BTS «специальными посланниками президента по вопросам будущих поколений и культуры»²; 3) выступление BTS на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 2018 г. и 2021 г.³; 4) участие лидера группы Ким Намджуна в записи аудиогuida для выставки современного корейского искусства The Space Between The Modern in Korean Art в 2022 г.⁴

Изначально правительство РК проводило политику продвижения халлю, ориентируясь исключительно на Азию. В настоящий момент популярность халлю растет в разных регионах мира, в том числе в России, и трудно однозначно сказать, достигла она своего пика или будет расти дальше. Очевидно одно, РК — одно из государств, наиболее умело использующих во внешней политике стратегию мягкой силы. Амбиции Южной Кореи по усилению своего регионального и глобального значения возрастают. В подобных условиях понимание механизмов реализации корейской мягкой силы и ее влияния на население других стран — важная геополитическая задача, в первую очередь для других государств, в том числе для России.

Ограничения исследования

Обсуждая результаты и выводы данного исследования, необходимо принять во внимание ряд ограничений.

¹ UNICEF and BTS Celebrate Success of 'Groundbreaking' LOVE MYSELF Campaign [Электронный ресурс] // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/press-releases/unicef-and-bts-celebrate-success-groundbreaking-love-myself-campaign> (дата обращения: 09.05.2022).

² South Korean President Appoints BTS as Special Envoys Before Their Visit to the UN [Электронный ресурс] // ABC News. URL: <https://abcnews.go.com/International/south-korean-president-appoints-bts-special-envoys-visit/story?id=80006773> (дата обращения: 09.05.2022).

³ We Have Learned to Love Ourselves, so Now I Urge You to 'Speak Yourself' [Электронный ресурс] // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/press-releases/we-have-learned-love-ourselves-so-now-i-urge-you-speak-yourself> (дата обращения: 09.05.2022).

⁴ BTS' RM to Narrate 'The Space Between: The Modern in Korean Art' exhibit in LA [Электронный ресурс] // Bandwagon Asia. URL: <https://www.bandwagon.asia/articles/bts-rm-to-narrate-the-space-between-the-modern-in-korean-art-exhibit-in-los-angeles-kim-namjoon-2022> (дата обращения: 09.05.2022).

Во-первых, следует учитывать особенности, присущие самому концепту мягкой силы, а именно трудно определить эффективность мягкой силы в отрыве от других стратегий. Любое государство обладает целым арсеналом средств проведения внешней политики — стратегии мягкой силы дополняются ресурсами жесткой и умной силы. РК, располагающая большими экономическими возможностями и состоящая в тесном союзе с США, не исключение.

Второе важное ограничение — считать ли рассмотренные выше ценности чисто корейскими. Страны с конфуцианской этикой, включая Китай и Японию, также могут выступать в роли проводника подобных установок. Здесь хочется отметить, что все ресурсы и инструменты мягкой силы необходимо рассматривать в совокупности. Только неповторимый набор всех характеристик привел к успеху модели РК. Подчеркнем, что сами южнокорейские эксперты признают трудность прогнозирования результатов применения стратегий мягкой силы [29, с. 9], что подтверждает возможность того, что успех халлю просто следствие удачного стечения обстоятельств, главным из которых стала усталость всего мира от доминирования американских ценностей.

Приведем интересную точку зрения, согласно которой именно Корея является истинной преемницей классической китайской культуры, в том числе традиций конфуцианства. В менталитете корейцев заложена идея уважения к большим, могущественным государствам с развитой цивилизацией. Поскольку конфуцианство стало идеологическим учением, пронизывающим все сферы жизни корейского общества, Китай (как колыбель истинной конфуцианской культуры) рассматривался корейцами как государство, на которое необходимо равняться. Расцвет такой политической линии по отношению к Китаю приходится на период Великой Минской империи (1368–1644 гг.). Однако с падением в 1644 г. легитимной династии Мин и завоеванием Китая маньчжурами (в корейском понимании варварами) в корейском мировоззрении происходит изменение отношения к китайской цивилизации. Китай был завоеван варварами, а потому больше не мог считаться центром конфуцианской вселенной. Так возникает концепция «малого Китая» (“Little China” Ideology, *소중화*, *сочжунхва*), когда Корея становится преемницей истинных конфуцианских традиций [18, с. 108].

Направления дальнейших исследований

Весьма перспективным направлением выступает сравнение моделей и потенциалов мягкой силы РК и КНР. Анализируя китайскую модель мягкой силы, эксперты приходят к тем же выводам — одно из главных отличий китайской мягкой силы от американской состоит в различии продвигаемых ценностей. Если американцы делают акцент на идеалах демократии и материальном успехе, китайцы ставят во главу угла коллективное благо и идеи «сообщества единой судьбы», противопоставляя таким образом свои ценности индивидуалистическим устремлениям США, которые неизбежно ведут к духовному кризису и моральной деградации [1, с. 105]. В современных условиях иная (неамериканская) культура может выступить в качестве альтернативы западным идеям индивидуализма, с присущими им эгоизмом и потребительским отношением. Схожесть ценностей, заложенных в корейской и китайской культурах, порождает ситуацию конкуренции между двумя странами. Кроме того, Китай не отстает от Южной Кореи и с точки зрения использования цифровых технологий. Китайское приложение TikTok имеет огромный потенциал для продвижения среди молодежи китайского взгляда на жизнь [13, с. 132].

В данной статье было показано, что основным элементом корейской мягкой силы является халлю (корейская волна). Однако перед корейской волной была японская, сейчас параллельно корейской нарастает китайская. Очевидно, что есть необходимость детального изучения феномена азиатских волн. Продолжится ли рост корейской волны или ее популярность пойдет на спад? Следует ли ждать возникновения следующей азиатской (например, тайской) волны? И т. д. и т. п.

Еще одним важным направлением дальнейших исследований может стать изучение процесса интериоризации (усвоения) зарубежными фанатами халлю корейских ценностей. Речь идет в первую очередь о поклонниках корейской массовой культуры в западных странах, чьи религиозные, культурные и этические традиции очень далеки от конфуцианства. Интересный эмпирический материал по этой теме могут дать сообщества любителей дорам или к-поп-групп в социальных сетях.

Литература

1. Андреев И. А. «Мягкая сила» на Западе и на Востоке: проблема эффективности // Власть. 2021. Том. 29. № 4. С. 102–108.
2. Богатуров А. Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 80–97.
3. Бураев Д. И., Гармаханов М. Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8. С. 115–120.
4. Емельянова Н. Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ // Международная аналитика. 2018. № 3 (25). С. 7–24.
5. Киссинджер Г. Дипломатия. М. : Ладомир, 1997. 848 с.
6. Кузина Л. Б., Кузина Н. В. Влияние современных социокультурных практик стран Азиатско-Тихоокеанского региона на эстетические предпочтения, ценностные и поведенческие стереотипы подростков и юношества Российской Федерации (популярная музыка, мультипликация, самодеятельная литература, повседневность) // Modern Studies of Social Issues. 2020. Т. 12. С. 137–194.
7. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 680 с.
8. Лысак И. В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4 (53). С. 99–103.
9. Люттвак Э. Государственный переворот: практическое пособие. М. : РФСОиН. 2012. 326 с.
10. Малиновский А. С. Культурная глобализация (глокализация). Локальное и транснациональное // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 1 (129). С. 176–179.
11. Матвеев Ю. И., Галаева М. Г. Стратегия «Мягкой силы» основных акторов международных отношений // Проблемы постсоветского пространства. 2016. С. 69–79.
12. Пионткевич Л. Ю. Феномен власти: проблема концептуализации // Вестник Томского государственного университета. 2008. С. 41–48.
13. Подосокорский Н. Н. Мягкая сила ТикТока: соцсеть, которая покорила мир // Наука телевидения. 2022. № 18 (2). С. 117–146.
14. Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19–26.
15. Сенокос Я. С. Упадок «мягкой силы» во внешней политике США: причины и тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2021. С. 303–312.
16. Федотова В. Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 45–53.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М. : Издательство АСТ. 2003. 603 с.
18. Chang Hyunguen. The Changeover of Korean Concept toward China: Sinocentrism, Small-Sinocentrism, and Post-Sinocentrism // Journal of Asia-Pacific Studies. 2011. Vol. 18. № 2. P. 97–123. (In Kor.)
19. Cho Byung Chul, Sim Hichul. Success Factor Analysis of K-POP and a Study on Sustainable Korean Wave — Focus on Smart Media based on Realistic Contents // The Journal of the Korea Contents Association. 2013. № 13 (5). P. 90–102. (In Kor.)
20. Huang Yihang. Analysis on South Korean Soft Power — Taking BTS, Parasite and Squid Game as Examples // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2022. Vol. 663. P. 80–84.
21. Jang Wonho, Song Jung Eun. Analysis of the Non-economic Value of Hallyu: Focusing on Empathic Communication between BTS and ARMY // A Study on the Ripple Effect of Hallyu. Korea International Cultural Exchange Agency. 2018. P. 89–214. (In Kor.)
22. Kim Bok Rae. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave) // American International Journal of Contemporary Research. 2015. Vol. 5. № 5. P. 154–160.
23. Kim Ki-Duk, Bae Sang-Joon. Hallyu and the Traditional Cultural Genes of Korea // Kritika Kultura. 2017. Vol. 29. P. 318–339.
24. Lee Dong Bae. A Study on Storytelling of Cultural Contents in the Global Age // Cultural Content Research. 2019. Vol. 17. P. 69–93. (In Kor.)

25. Nye Joseph S. Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. New York : Basic Books. 1990.
26. Nye Joseph S. Soft Power: The Evolution of a Concept // Journal of Political Power. 2021. P. 1–13.
27. Park Hyun-Kyu. Success Factor Analysis of New Korean Wave ‘K-POP’ and a Study on the Importance of Smart Media to Sustain Korean Wave // Journal of Digital Convergence. 2020. Vol. 18. № 4. P. 129–135.
28. Yufei Wang. Exploring the Realization of the American Dream — Taking the Pursuit of Happiness as an Example // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol. 445. P. 32–36.
29. 김상배. 소프트 파워와 21세기 권력. 네트워크 권력론의 모색. 한울아카데미. 2009. 344쪽 (Kim Sang-bae. Мягкая сила и власть в XXI веке. Изучение теории сетевой власти. Академия Хануль. 2009. 344 с). (In Kor.)

Об авторах:

Белая Екатерина Константиновна, ассистент кафедры корееведения восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); преподаватель кафедры иностранных языков Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: belaya-ek@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-595X>

Кашина Марина Александровна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент;
e-mail: kashina-ma@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4509-8657>

References

1. Andreev I. A. “Soft Power” in the West and in the East: The Problem of Efficiency. *Power [Vlast’]*. 2021; 29 (4): 102–108. (In Rus.)
2. Bogaturov A. D. The Origins of American Behavior. *Russia in Global Affairs* [Rossiya v global’noi politike]. 2004; (6): 80–97. (In Rus.)
3. Buraev D. I., Garmakhanov M. Ts. Korean Wave and Soft Power. Development and Distribution Strategy. *Bulletin of the Buryat State University* [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2014; (8): 115–120. (In Rus.)
4. Emelyanova N. N. “Soft Power” as a Concept: A Critical Analysis. *International Analytics* [Mezhdunarodnaya analitika]. 2018; 25 (3): 7–24. (In Rus.)
5. Kissinger G. Diplomacy. Moscow : Ladomir. 1997. 848 p. (In Rus.)
6. Kuzina L. B., Kuzina N. V. The Influence of Modern Socio-Cultural Practices of the Countries of the Asia-Pacific Region on Aesthetic Preferences, Value and Behavioral Stereotypes of Adolescents and Youth in the Russian Federation (Popular Music, Animation, Amateur Literature, Everyday Life). *Modern Studies of Social Issues* [Modern Studies of Social Issues]. 2020; 12: 137–194. (In Rus.)
7. Kurbanov S. O. History of Korea: From Antiquity to the Beginning of the XXI Century. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University. 2009. 680 p. (In Rus.)
8. Lysak I. V. The Problem of Preserving Cultural Identity in the Context of Globalization. *Humanitarian and Socio-Economic Sciences* [Gumanitarnye i sotsial’no-ekonomicheskie nauki]. 2010; 53 (4): 99–103. (In Rus.)
9. Luttwak E. Coup D’état: A Practical Guide. Moscow : The Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 2012. 326 p. (In Rus.)
10. Malinovsky A. S. Cultural Globalization (Glocalization). Local and Transnational. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University* [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2013; 129 (1): 176–179. (In Rus.)
11. Matveenکو Yu. I., Galaeva M. G. The Strategy of “Soft Power” of the Main Actors of International Relations. *Problems of the post-Soviet Space* [Problemy postsovetskogo prostranstva]. 2016: 69–79. (In Rus.)

12. Piontkевич L. Yu. The Phenomenon of Power: The Problem of conceptualization. *Bulletin of the Tomsk State University* [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2008: 41–48. (In Rus.)
13. Podosokorsky N. N. The Soft Power of TikTok: The Social Network that Conquered the World. *TV Science* [Nauka televideniya]. 2022; 18 (2): 117–146. (In Rus.)
14. Radikov I., Leksyutina Y. “Soft Power” as a Modern Attribute of a Great Power. *World Economy and International Relations* [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2012; (2): 19–26. (In Rus.)
15. Senokop Ya. S. The Decline of “Soft Power” in the US Foreign Policy: Causes and Trends. *Social and Humanitarian Knowledge* [Sotsial’no-gumanitarnye znaniya]. 2021: 303–312. (In Rus.)
16. Fedotova V. G. Unity and Diversity of Cultures in the Context of Globalization. *Questions of Philosophy* [Voprosy filosofii]. 2011; (9): 45–53. (In Rus.)
17. Huntington S. The Clash of Civilizations. Translation from English T. Velimeeva, Y. Novikova. Moscow : AST Publishing House. 2003. 603 p. (In Rus.)
18. Chang Hyunguen. The Changeover of Korean Concept toward China: Sinocentrism, Small-Sinocentrism, and Post-Sinocentrism. *Journal of Asia-Pacific Studies*. 2011; 18 (2): 97–123. (In Kor.)
19. Cho Byung Chul, Sim Hichul. Success Factor Analysis of K-POP and a Study on Sustainable Korean Wave — Focus on Smart Media based on Realistic Contents. *The Journal of the Korea Contents Association*. 2013; 13 (5): 90–102. (In Kor.)
20. Huang Yihang. Analysis on South Korean Soft Power — Taking BTS, Parasite and Squid Game as Examples. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2022; 663: 80–84.
21. Jang Wonho, Song Jung Eun. Analysis of the Non-economic Value of Hallyu: Focusing on Empathic Communication between BTS and ARMY. A Study on the Ripple Effect of Hallyu. Korea International Cultural Exchange Agency. 2018. P. 89–214. (In Kor.)
22. Kim Bok Rae. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave). *American International Journal of Contemporary Research*. 2015; 5 (5): 154–160.
23. Kim Ki-Duk, Bae Sang-Joon. Hallyu and the Traditional Cultural Genes of Korea. *Kritika Kultura*. 2017; 29: 318–339.
24. Lee Dong Bae. A Study on Storytelling of Cultural Contents in the Global Age. *Cultural Content Research*. 2019; 17: 69–93. (In Kor.)
25. Nye Joseph S. Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. New York : Basic Books. 1990.
26. Nye Joseph S. Soft Power: The Evolution of a Concept. *Journal of Political Power*. 2021: 1–13.
27. Park Hyun-Kyu. Success Factor Analysis of New Korean Wave ‘K-POP’ and a Study on the Importance of Smart Media to Sustain Korean Wave. *Journal of Digital Convergence*. 2020; 18 (4): 129–135.
28. Yufei Wang. Exploring the Realization of the American Dream — Taking the Pursuit of Happiness as an Example. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2020; 445: 32–36.
29. 김상배. 소프트 파워와 21세기 권력. 네트워크 권력론의 모색. 한울아카데미, 2009. 344쪽 (Kim Sangbae. Soft Power and 21st Century Power. The Search for Network Power Theory. Hanul Academy, 2009. 344 p.). (In Kor)

About the authors:

Ekaterina K. Belaia, Assistant Lecturer of the Department of Korean Studies, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); Lecturer of the Department of Foreign Languages, North-Western Institute of Management, RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: belaya-ek@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-595X>

Marina A. Kashina, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor;
e-mail: kashina-ma@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4509-8657>